

СЕРГЕЙ ЛЫСКОВ

НЕ фантастика

Сборник рассказов

16+

Сергей Лысков

НЕ фантастика

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лысков С. Г.

НЕ фантастика / С. Г. Лысков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Это «живой» сборник рассказов. «Живой» - потому что периодически в него будут добавляться необычные произведения в жанре «НЕ фантастика».

Содержание

Пациент из будущего	5
До первого шага осталось...	8
Некто ИВАНОВ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Пациент из будущего

Перекур – простое по смыслу слово. Не совсем правильное в плане логического смысла, который предполагает приглашение на «перекур», ибо иногда это вообще не связано с процессом курения, но в целом, если отбросить все детали и придирки к частоте заложенного в слово смысла и не воспринимать буквально это понятие как передозировку никотином в процессе курения, выйдет простое и емкое понятие – перекур – банальные минуты отдыха.

Сам я не курю, но поддерживая друзей, с удовольствием коротаю время под табачный дым, обсуждая врачебные истории. Я, кстати, вывел одну бесполезную особенность: длина перекура прямо пропорциональна градусу жидкости, которая употребляется во время сего действия, и если подойти к этому с научной точки зрения, получится вполне серьезное исследование... Но я отвлекся. Итак, перекур – в нем сокрыт глубокий физиологический смысл, это своего рода перезагрузка истощенного работой мозга и дозаправка организма кофеином, никотином и прочими психоактивными веществами для улучшения работы центральной нервной системы. А с учетом растраты фиксированного рабочего времени – это вторая после получения денег приятнейшая манипуляция на рабочем месте.

Вот за одним из таких перекуров мой коллега рассказал мне об очень интересном пациенте – некоем Румо Фусове. Этот субъект утверждал, что он сам из будущего и скрывается в настоящем времени от наемных убийц киноиндустрии. По его словам, на него было организовано несколько безуспешных покушений, и в данный момент посредством машины времени, которая почему-то способна посылать только в прошлое, он оказался в психиатрической клинике. Изюминкой данного случая была безукоризненная логичность в рассказах пациента, и мой друг уже третий день безуспешно пытался найти огрехи в структуре бреда. Выслушав этот необычный случай под утренний кофе, я тут же предложил провести прием вдвоем, буквально напросившись на столь интересный клинический случай.

Удобно расположившись в кресле и включив диктофон, я стал наблюдать за работой друга.

Пациент был упитанный малый с гладко выбритыми щеками, ухоженной бородкой. Одет он был не в больничную одежду, причем в цветовой палитре его образа прослеживалось чувство вкуса и некого стиля. Поздоровавшись, он тут же обратил на меня внимание и представился:

– Румо Фусов.

– Сергей, – ответил я и тут же добавил: – У вас странное имя? Откуда вы?

– Мадагаскар, – ответил мужчина средних лет. – Это нейтральные территории, не принадлежащие мировому правительству.

– Мировому? – переспросил мой друг. – Разве это не государство?

– Ну, я, по-моему, уже говорил, что в том времени, откуда я пришел, этот остров – независимая территория.

– Допустим. Ну, вы понимаете, что сейчас 2019 год, – спросил я.

– Давайте так, уважаемые врачи-психиатры, я полностью вменяемый человек и готов вам это доказать, пройдя всевозможные тесты, – говорил Румо Фусов. – И если бы не угроза жизни, то я уверяю вас, что мы бы никогда и не встретились. Напомню, что я сам обратился за условной помощью и обследованием в вашу клинику. Находясь под наблюдением в этой больнице, я, во-первых, оберегаю себя, так как они просто не посмеют создать временной парадокс, убив меня, и во-вторых, создаю временные зацепки, дабы меня и мою жизнь не смогли стереть.

– Понятно, – ответил я, подчеркнув необычное имя пациента. – Вопрос: что такого вы изобрели, за что вас хотят убить?

– В будущем, – тут же дополнил Румо.

– Получается, да, – немного скептически добавил я.

– Я уже говорил об это вашему коллеге, – улыбаясь, повторил Румо. – Но повторюсь, моя программа в интеллектуальном чипе микромеханизмов позволяет адаптировать вербальные символы в яркие визуальные образы в сфере сознания человека.

– То есть нечто в голове способно визуализировать слова в образы по средствам роботов?

– Микромеханизмов, – поправил Румо. – Роботы – более разумная форма техники.

– Микромеханизмы с интеллектуальным чипом? – ещё более скептически спросил я.

– Да, и моя программа позволяет это сделать ярким и простым в воспроизводстве.

– Зачем? – удивленно спросил я. – Для чего дублировать то, что наш мозг и так делает в сфере нашего сознания?

Возникла небольшая пауза, которая даже оживила моего друга, ибо он словно почуял – вот она трещина в бредовой структуре пациента. Но нет, ответ последовал вполне логичный.

– По сути, незачем, – улыбнулся Румо. – Но вы немного плоско мыслите, Сергей, – пытался шутить Румо. – Теперь представьте, имея такой микромеханизм, подключенный к голове, вы начинаете слушать аудиокнигу, и она визуализируется в каждом услышанном слове, как самый красочный фильм, и вам, как личности, потребуется только попкорн и удобное местечко для наслаждения таким внутренним киносеансом.

– Занятно, – улыбнулся я.

– Теперь понятно, почему меня хотят убить? – тут же продолжил Румо. – Индустрия кино потеряла семьдесят процентов рынка после выхода моей программы для микромеханизмов, ведь не всякое кино способно перещеголять хорошо написанную книгу, а смотреть книгу в лабиринтах своего сознания куда приятнее ограниченной киношки.

– Я полагаю, вы не один стоите за этим изобретением?

– Один, – ответил Румо. – Патенты, свидетельства – это всё присутствует и все в правовом поле, там куча денег, и мои юридические фирмы отгрызут что угодно и у кого угодно при покушении на право собственности.

– Тогда почему прошлое? – спросил я. – Психиатрическая клиника? Почему?

– Я всё равно обречен на гибель, они вычислят время и место моего скачка и найдут мои дневники, рукописи, разгадав мой план по сохранению технологии, – разъяснял Румо. – И естественно, всё уничтожат. А потом просто сотрут мою жизнь. Ни рода, ни племени, я – искусственно выращенный человек, и как ни крути, я один. Моя участь уже предreshена, это лишь вопрос времени.

– Почему мы?

– Они знают, что я в прошлом, но никто из них не поверит, что я в психиатрической больнице и говорю о будущем с вами, этот алгоритм действия не сможет просчитать ни один робот, – говорил Румо. – Я не уверен, что структура моего бреда останется в архиве этой больницы, но ваша диктофонная запись, а в будущем – «Записки о лечебной практике» – все это породит фантастический рассказ о путешественнике во времени, и возможно, кто-то загорится идеей создания программы для микромеханизмов, – объяснял Румо Фусов. – И брошенное в плодородную землю семя взойдет, и пусть уже хоть так, но я буду отомщен за жестокую гибель и неминуемую смерть. Даже не став автором своего изобретения, я оброну слово во вселенную, и это слово кто-то услышит и создаст мое изобретение. Мысль материальна, господа психиатры, главное произнести её в единственно верное мгновение жизни, когда вселенная вас слушает.

Мы с другом немного переглянулись и решили на этом окончить прием, отпустив пациента. Честно сказать, раза три мы прослушивали аудиозапись, пытаясь поймать хоть намек на несостыковки в бредовых идеях этого человека. На других приемах он поведал нам про машины времени, при этом сразу же добавлял, что понятия не имеет, как они устроены, каж-

дый раз приводя пример с телефоном нового поколения, мол, вы же сами не знаете, как это работает с точки зрения науки, но это же работает. Все психологические тесты, которые мы проводили данному пациенту, показали полную норму – ни мышление, ни эмоциональная сфера не имели дефектов, и либо пациент каким-то невероятным образом знал, как правильно ответить на тесты, либо он был вменяем, что пугало еще больше.

На десятый день перед самой выпиской он просто исчез. У нас потом была куча проблем с документацией данного пациента, мы даже подали в розыск, и было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества, ибо документы, которые он предоставил при поступлении, были поддельными, этот факт ещё более подкидывал размышлений в ту невероятность истины, что нам поведал необычный пациент из будущего. А сама история, после каждого очередного рассказа во время рабочего перекура всё больше и больше обростала домыслами нового рассказчика, и так потихоньку из реально существующей аудиозаписи она переключалась в байку о неординарном и очень логичном бреде, который всё же треснул под действием психотропных препаратов великой психиатрии. Так что, если услышите эту историю из уст психиатра, разделите её на два, ибо сейчас вы слышали её из первоисточника.

До первого шага осталось...

Эпизод, который лег в основу этой небольшой истории, произошел на одной из лавочек городского парка. Отец с сыном просто наслаждались весенним солнцем. Находясь в инвалидной коляске, юноша периодически мотал головой, наблюдая за случайными прохожими и шумными компаниями, гуляющими по парку. Я даже не сразу обратил внимание на их соседство, погруженный в виртуальные диалоги со своей знакомой. Мое внимание напрочь не замечало всего происходящего вокруг. Изредка порывы ещё холодного ветра напоминали сознанию о солнечном весеннем деньке, но в тот предобеденный час меня ничего не интересовало кроме дисплея телефона.

То, что на скамейке лежит тетрадка, я заметил сразу, помотав головой и не найдя хозяина пропажи, я взял её в руки и, перелистывая, попытался найти отметки о владельце. Первыми мыслями были – это конспекты студента, непреднамеренно забытые на лавочке, и потерявший их вот-вот появится. Но листая страницы, я удивился, почему все листы заполнены одинаково. Вчитавшись в текст, признаюсь, немного оторопел. Это был некий дневник, в котором рукой родителя был написан распорядок дня с почасовым планом действия, и это на каждой странице 96 листов исписанных мелким бисерным почерком, изо дня в день без перерывов и выходных. Но самой трогательной в этом дневнике была фраза, которую автор всегда приписывал в конце каждого дня: «До первого шага осталось N дней».

Перелистнув тетрадь на последний лист, я с трепетом прочитал последнюю запись в дневнике, она была как брат-близнец похожа на предыдущие по распорядку дня, и только в конце было дописано: «До первого шага осталось два дня».

Покрутив головой, я попытался найти автора этих записей, мысленно вспоминая, что на этой лавочке пару минут назад сидел отец с ребёнком-инвалидом. Я даже встал и прошелся по брусчатке парка, в надежде увидеть этих людей. И я их увидел.

– Мужчина, вы забыли тетрадку, – тут же обронил я, догнав отца с сыном.

– Спасибо, – остановив инвалидную коляску, сказал немного ссутулившийся мужчина.

Подросток в инвалидной коляске повернул голову и посмотрел на меня. Сразу было видно, что у него тяжелая форма детского церебрального паралича. Наверно, парню было лет четырнадцать, но он не выглядел на свой возраст: худой и бледный, он казался куда младше своих лет. Я с уважением и добротой посмотрел ему в глаза, его взгляд стал добрее и осмысленнее при виде моей улыбки и приветливого кивка в честь знакомства. Немного угловато и гримасничая, паренек попытался улыбнуться в ответ, и помахал мне рукой. Так мы и познакомились.

Его отец, взял в руки тетрадку с какой-то особой грустью перелистал исписанные страницы и ещё раз поблагодарил меня. А потом посильнее обхватил ручки коляски, и они продолжили неторопливую прогулку по парку.

Наверно, я не имел права читать написанное в тетради, но меня потрясли эти строки. Каждая страничка была своего рода итогом прожитого дня. Итогом пути, длиною в годы, пути, который потрясал своим упорством и верой в лучшее, пути, у которого может и не будет желанного финала, но его надо пройти, и надо начинать новую тетрадку с ещё большим количеством страниц и непременно заполнить их все. И никак по-другому, только так изо дня в день мелким бисерным почерком с той самой фразой в конце дня «До первого шага осталось...».

Некто ИВАНОВ

Я очень хорошо помню тот день. Профессор Игорь Викторович, неторопливо помещивал сахар на дне кружки, при этом очень внимательно вчитываясь в историю болезни пациента Иванова. Не вынимая ложки, он сделал большой глоток и перевернул страницу. Потом ещё одну и ещё. Дочитав, он немного улыбнулся и аккуратно отложил медицинскую историю болезни.

– Ну и в чем, собственно, проблема?

– В диагнозе, – немного растерянно выдавил я из себя.

Ибо, если посчитать, консультация такого уровня специалиста обошлась моей районной психиатрической клинике в очень крупную сумму. Это хорошо, что совпало место и время проведения очередного форума «Лиги по социальной психиатрии». Наш город принимал делегации со всей страны. Поэтому счет за гостиницу и питание не был включен в услуги по консультированию. Но и, тем не менее, услуги профессора с мировым именем, обошлись в кругленькую сумму для клиники. И теперь, когда профессор сидит напротив, его прямой вопрос о проблеме диагноза – это как признание во врачебной некомпетентности всего личного состава клиники и меня, в частности. Признаюсь честно, я даже растерялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.